
Протопопъ Аввакумъ, какъ противникъ церковной ре- формы патриарха Никона.

(Окончаніе).

Въ лицѣ протопопа Аввакума, во главѣ защитниковъ старины, сталъ теперь самый крайній, неуступчивый, самый фанатичный и, въ то же время, менѣе другихъ культурно развитый человекъ, съ крайне узкимъ и одностороннимъ кругомъ возрѣній и пониманія, совершенно неспособный отнестись къ несогласяющимся съ нимъ сколько нибудь спокойно, объективно, а тѣмъ болѣе справедливо, или даже просто безпристрастно. Если царь Алексѣй Михайловичъ употреблялъ съ своей стороны всѣ усилія ту пропасть, какая тогда уже стала образовываться между православною церковію и сторонниками стараго обряда, всячески сузить, заполнить, а въ концѣ и совсѣмъ уничтожить; то протопопъ Аввакумъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія, пускалъ въ ходъ всѣ средства всячески расширить и углубить эту пропасть, чтобы и въ будущемъ, а если возможно, то и навсегда, сдѣлать ее непроходимую ни для той, ни для другой стороны.

Ко всей православной, или какъ выражается Аввакумъ, никоніанской церкви, онъ относится всецѣло отрицательно, съ нескрываемымъ презрѣніемъ и ненавистію. Онъ въ ней видитъ не церковь, а какой-то, по его выраженію, „разбойничій вертепъ“, собраніе или совокупность всего, что отъ начала создавала въ христіанской церкви гнилая, все развращающая и растлѣвающая еретичествующая мысль человека; православная церковь, по Аввакуму, это какой-то зло-вредный, гнойный нарывъ, въ которомъ скопились всѣ бо-

лѣзненныя тлетворныя соки, отбрасываемыя здоровымъ организмомъ. „Какъ не бѣда содѣяся въ земли нашей? говоритъ Аввакумъ. Всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собраны въ новыя книги: духу лукавому напечатали молиться, въ томъ же крещеніи сатаны не отрицаются, и около купели противъ солнца кружатъ, и церкви святятъ также противъ солнца, со образы и крыжами ходятъ“ и т. д. „Чему быть? спрашиваетъ Аввакумъ и отвѣчаетъ: что велитъ дьяволъ, то (никаніане) и дѣлаютъ!... Апостолы и 7 соборовъ святыхъ отецъ, и пастыри и учителя о Святѣмъ Дусѣ исполнили святую церковь догматовъ, украсивъ ю яко невѣсту, кровію своею со Христомъ запечатавъ, намъ предали, а антихристова чадь (т. е. никоніане) и разграбили, зѣло люто разорили, и крестъ съ маковицъ Христовъ стащили трисоставный, и поставили крестъ латынской четвероугольный, а съ церкви—той все выбросали, и жертву премѣнили, молитвы и пѣніе, все на антихристово лицо устроили. Чему быть? Дѣти его; отцу своему угладили путь. Аще и не пришелъ еще онъ,—последней чортъ, но скоро уже будетъ. Все изготовили предотечи его, и печатаютъ людей — тѣхъ бѣдныхъ слѣпыхъ тремя персты и развращенною малаксою“. „Зѣло бо огорчиша церковь Божію и общую мать нашу догматы незаконными: вся бо отъ вѣка ереси внесоша въ ню, о нихже ми не достанетъ лѣто повѣствующу. Закаляютъ бо агнецъ неправедный, еже дѣйство лъсти литоргейное; отнюдь бо православному христіанину ихъ служенія не подобаеть причащаться: суетно бо кадило и мерзко приношеніе, понеже бѣсомъ жрутъ никоніяня, а не Богови“. „А треперстная бл.в. проповѣдуетъ протопопъ Аввакумъ, еже сице слагаютъ (персты), явна бѣ въ Апокалипсисѣ: изъ нея бо исходятъ три духи нечисты и вселяются въ поганую душу, — преводне рещи—три жабы, или три лягушки, и оскверняютъ чело вѣка. Всякъ бо, крестясь тремя персты, кланяется первому звѣрю—папежу, и второму—русскому, творя ихъ волю, а не Божію; или рещи: кланяется и жертвуетъ душею тайно антихристу и самому дьяволу. Въ нейже бѣ, щепоти, тайна тайнамъ сокровенная: змій, звѣрь и лжепророкъ, сирѣчь: змій—дьяволъ, а звѣрь царь лукавый (т. е. Алексѣй Михайловичъ), а лжепророкъ—папезъ римскій и прочіи подобни имъ. Да полно о томъ бесѣдовать: возми ихъ чортъ!.. Никонъ,

съ выbledками своими, не святѣй Троицѣ (покланяется), но скверной троицѣ: змію и звѣрю и лживу пророку. Нѣсть ваша чиста и свята жертва, нѣсть, но скверна и прескверна и противна. Вѣси ли, чему подобенъ агнецъ вашей жертвы? спрашиваетъ изступленный фанатикъ, и отвѣчаетъ: разумѣй. *яже глаголю: подобенъ есть псу мертву и повержену на стогнахъ града, а и храмъ вашего священія подобенъ разбойничу вертени.* Не подобаетъ тамо правовѣрному христіанину ни на прагъ храма вашего возстунити, идѣже Отецъ ругаемъ, и Сынъ хулимъ бываетъ, и Духъ Святой, Господь истинный и животворящій, отметаемъ есть; не подобаетъ никакоже самовольнѣ себе въ пропасть сію ринути и стремнину пометатися. А въ крещенскихъ молитвахъ написали: молимся тебѣ, Господи, душе лукавый, яко помраченіе помысломъ новодяй. Во-то,—тута чорта господомъ называютъ, и молятся ему за то, что омрачаетъ помыслы!... Ихъ причастіе - то емко, — что мышьякъ, или сулема, во вся кости и мозги пробѣжить скоро, до членовъ же и мозговъ и до самыя души лукавой промчить: отдыхай—пѣть послѣ въ геннѣ огненнѣй и въ пламени горящемъ стони, яко Каинъ, необратной грѣшникъ!“

У извѣстной сторонницы старообрядства и великой почитательницы протопопа Авакума, боярыни Морозовой, когда она находилась въ заключеніи, умеръ ея маленькій сынъ Иванъ. Авакумъ, въ своемъ посланіи къ Морозовой, утѣшаетъ скорбѣвшую о сынѣ мать: „а что петь о Иванѣ - то болно сокрушаешься? Главы не сохранилъ! Полно-су плюскать-то, Христа для!.. Какъ то надежа — свѣтъ — Христось изволилъ! То бы по твоему добро, кабы на лошадахъ-те безъ тебя вѣздить сталь, да бабъ-де воровать?... А то дорогое дѣло—поновому робенка причастили! Велика бѣда, куды! Онъ и не знаетъ, ни вѣдаетъ въ печалѣхъ въ то время, что надъ нимъ кудесили бл...ы они дѣти... Собаки опоганили при смерти, такъ у матушки и брюхо заболѣло: охти мнѣ,—сына опоганили! во адъ угодилъ! Не угодилъ,—не суетися!“¹⁾ Та-кимъ образомъ, протопопъ Авакумъ относится къ православной, или по его терминологіи, никоніанской церкви, не только презрительно и съ ненавистію, но сознательно кощунственно и намѣренно цинично, стараясь, въ глазахъ своихъ послѣ-

¹⁾ Матер. V. 186, 361. VIII, 67. 73—75. V, 177—178.

дователей, всячески осмѣять и опозилить самое святое и дорогое для всякаго христіанина: таинства и всѣ священнодѣйствія церкви. „Ну и церковь — ту подъ гору со всѣми!“ — вотъ тотъ выводъ, къ какому онъ приходитъ изъ разсмотрѣнія своихъ возможныхъ для него отношеній къ православной церкви.

Точно также въ высшей степени презрительно и безусловно отрицательно протопопъ Аввакумъ относится и ко всѣмъ вообще тогдашнимъ іерархамъ русской церкви, какъ попустителямъ и стороникамъ никоновской реформы. Въ посланіи къ царю Θεодору Алексѣевичу изъ Пустозерска Аввакумъ въ такихъ словахъ выражаетъ свой общій взглядъ на тогдашнее положеніе русской іерархіи: „столпи поколебашеся навѣтомъ сатаны, патріарси изнемогоша, святителие падоша и все священство еле живо, Богъ вѣсть, али и умроша“. Въ другомъ случаѣ Аввакумъ поучаетъ царя, что ему въ дѣлахъ вѣры слѣдуетъ слушать православныхъ и истинныхъ архіереевъ, „а не тѣхъ, глаголю, пастырей слушать, иже и такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинныхъ кровь проліяти и исповѣдниковъ православныя вѣры во огнь всаждати. Хороши законоучители! Да што на нихъ! Таковыя нарокомъ наставлены, яко земскія ярыжки, — что имъ велятъ, то и творятъ. Только у нихъ и вытвержено: а - се, государь, во - се, государь, добро, государь“. Или, на примѣръ, Аввакумъ обращается къ государю: „я, бѣдной, тебѣ ворчу, — архіереи же не помогаютъ мнѣ, злодѣи, но токмо потекаютъ лише тебѣ: жги, государь христіанъ — тѣхъ; а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны, хотя медвѣдя дай намъ въ олтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай, да корми съ дворца. Да, право, такъ. Не лгу“. Въ посланіи къ неизвѣстному Аввакумъ говоритъ: „али ты чаешь, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ; да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ по скотски и ко всякому беззаконію ползки. Или на то глядишь, что они воздыхаютъ? Не гляди на вздохи-те ихъ. Воздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докучится великія степени, вотъ уже и

воздыхать перестанетъ; а буди и вздохнетъ, и онъ ласко-сердствуетъ, лститъ мира, показуя себе свята, а внутрь дѣволь. Павелъ крутицкій и Иларіонъ резанскій горазды были сему руководѣлю, да и всѣ однако власти-те кромѣ избранныхъ, да лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бѣднымъ бываетъ отъ нихъ. Повертится, что перплица, да и онъ туды же склонится бѣдной: воля-де Божія, не одинъ-де я по сей холесницѣ ѣду; гдѣ же де дѣтца? А чортъ-ли билъ въ зашей? Ино было и не искать величества, да жить пониже, такъ бы душѣ здоровіе было“. При такомъ представленіи о тогдашнихъ архіереяхъ, вполнѣ понятны такія завѣренія со стороны Аввакума, что „на нихъ на ослахъ еретики-те ѣдутъ на владыкахъ—тѣхъ“, что они „словомъ духовнии, а дѣломъ бѣсы: все ложь, все обманъ. Какой тутъ Христосъ? Ни близко. Но бѣсовъ полки“¹⁾.

Эти свои общія сужденія о современныхъ ему архіереяхъ Аввакумъ иллюстрируетъ разсказами о нѣкоторыхъ изъ нихъ, разсказами, не столько иногда характерными для тогдашнихъ архіереевъ, сколько для самого разскащика Аввакума. Конечно прежде всѣхъ и больше всѣхъ достается отъ Аввакума Никону, о которомъ онъ совсѣмъ не можетъ говорить хотя бы сколько нибудь спокойно, безъ брани, безъ самыхъ рѣзкихъ и очень грубыхъ выходокъ.

Аввакумъ очень мало и даже почти совсѣмъ не зналъ дѣйствительнаго Никона, такъ какъ лично мало встрѣчался съ нимъ. Когда Аввакумъ изъ Юрьевца переселился въ Москву, тамъ уже Никона не было, такъ какъ онъ, въ качествѣ новгородскаго митрополита, жилъ тогда въ Новгородѣ и Аввакуму встрѣчаться съ нимъ было негдѣ. Никонъ, едѣлавшись патріархомъ, сразу пересталъ пускать своихъ бывшихъ друзей и въ крестовую, и Аввакумъ не могъ лично и непосредственно наблюдать и изучать его, такъ какъ былъ далекъ отъ него. При Никонѣ патріархъ Аввакумъ прожилъ въ Москвѣ только годъ съ небольшимъ, и затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ одиннадцать лѣтъ. Очевидно Аввакумъ не только лично мало зналъ Никона, но и совсѣмъ не видалъ и не былъ непосредственнымъ свидѣте-

¹⁾ Матер. V, 156, 246. VIII, 38, 48, 60. А. К. Бороздина: Прот. Аввакумъ, прил. стр. 33—34. Изд. 1900 г.

лемь его реформаторской дѣятельности, которая началась только съ собора 1654 года, когда Аввакумъ уже находился въ ссылкѣ. Значить, Аввакумъ составлялъ свое представленіе о Никонѣ реформаторѣ только по слухамъ, какіе тогда доходили къ нему въ Сибирь, почему онъ нигдѣ, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, и не говоритъ о постепенномъ, послѣдовательномъ ходѣ церковной реформаторской дѣятельности Никона, о бывшихъ при немъ, по разнымъ случаямъ, многочисленныхъ соборахъ и ихъ постановленіяхъ, объ участіи въ его реформахъ самихъ восточныхъ патріарховъ и другихъ восточныхъ іерарховъ—вообще нигдѣ ни разу онъ не пытается прослѣдить реформаторскую дѣятельность Никона исторически, разобрать и оцѣнить тѣ условія и обстоятельства, при которыхъ она возникла и совершалась. Правда Аввакумъ увѣряетъ, что онъ зналъ хорошо Никона еще на его родинѣ, бывшей отъ родины Аввакума только въ пятнадцати верстахъ, когда онъ назывался еще Никитою и „дѣтинка—бродяга былъ“. Но и здѣсь Никонъ извѣстенъ ему, по его собственнымъ словамъ, только какъ какая-то очень сомнительная помѣсь не то черемиса съ русскою, не то черемиса съ татаркою; достовѣрно же онъ знаетъ только, что Никита еще съ дѣтства научился будто бы кудесничеству и чародѣйству, такъ какъ на его родинѣ чародѣевъ и кудесниковъ было очень много. И вотъ, возвѣщаетъ Аввакумъ, „Никитка (т. е. Никонъ) колдунъ учинился, да бабъ блудить научился, да въ Желтоводіе (Желтоводскій монастырь) съ книгою повадился (онъ дѣтинка бродяга былъ), да выше, да выше, да и къ чертямъ попалъ въ атаманы, а нынѣ яко кинопсъ волхвужя, уже пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ“. Понятно, что такъ подготовленный Никонъ, этотъ, по выраженію Аввакума, „носатый и брюхатый, борзой кобель, отступникъ и еретикъ“, „Никонъ пресквернѣйшій“, „любимый антихристовъ предтеча“, „шишъ антихристовъ, бабо...бъ, плутишка“ и прямо „сынъ дьявола“, сдѣлался потомъ, ставъ „выше, да выше“, соблазнителемъ и губителемъ всѣхъ вѣрныхъ, начиная съ самого царя. Никонъ, завѣряетъ хорошо будто бы знающій его Аввакумъ, „сынъ онъ дьяволь, отцу своему сатанѣ работаетъ, и обѣди ему по воли его строить, надъ просвирую — тою молитву батьку—тому своему (т. е. сатанѣ) говорить передъ перено-

сомъ—тѣмъ. Знаешь, любимый даръ среди обѣдни-то считать, да кого жалуешь—любить, тѣхъ и причащаетъ тѣмъ, соверша обѣдню. Да и масломъ мажетъ причасниковъ своею сквернѣ, прибѣгшихъ къ его милости. Самъ государь трудится святитель: какъ лишиться такой святыни! Да такъ-то жвромъ мажетъ и сквернить; да такая бѣда,—кого помажетъ, тотъ и измѣнится умомъ тѣмъ. Явно омрачаетъ. Али антидоромъ тѣмъ накормить, такъ и пошелъ по немъ“.—„Оступникъ Никонъ съ товарищи, увѣряетъ Аввакумъ, всѣхъ тщится перемазать сквернами любодѣянiя своего, да отведеть отъ Бога великiя и малыя, богатыя и убогiя, смиренныя и нищiя, старыя и младыя, юноши и дѣвы и сущiя сосца матерня младенца,—всѣхъ сихъ еретикъ ищетъ погубить и ко дьяволу подклонить“¹⁾.—Вообще Аввакумъ, въ своихъ многочисленныхъ сочиненiяхъ только констатируетъ тотъ фактъ, что Никонъ кудесникъ, мерзкiй еретикъ, боготетупникъ, сынъ дьявола, предтеча антихриста, слуга самого сатаны; онъ только всячески и очень неприлично его ругаетъ; но нигдѣ однако при этомъ не объясняетъ: по какимъ побужденiямъ и какимъ образомъ Никонъ, котораго всетаки сколько нибудь зналъ Аввакумъ и даже за кандидатуру котораго въ патриархи онъ добровольно подписался подъ челобитной царю,—могъ сдѣлаться еретикомъ, слугою сатаны, предтекою антихриста, сознательнымъ губителемъ вѣковаго русскаго православiя? Что Никонъ еще отъ юности былъ кудесникъ и чародѣй,—эта сказка Аввакума только еще болѣе служить доказательствомъ, что Аввакумъ не зналъ дѣйствительнаго, историческаго Никона, что онъ былъ безсиленъ и неспособенъ хотя сколько нибудь понять и объяснить естественнымъ путемъ возможность появленiя у насъ Никона—реформатора. Несомнѣнно одно: Никонъ изъ живаго историческаго лица, какимъ онъ, на примѣръ, являлся у Неронова, у Аввакума совсѣмъ превращается въ какое-то чисто мистическое и легендарное существо. Большое воображенiе Аввакума создало ему своего собственнаго Никона, такъ мало похожего на Никона дѣйствительнаго, и съ этимъ своимъ — аввакумовскимъ Никономъ, онъ носится всюду, вездѣ выставляетъ его какъ дѣйствительнаго Никона, даже

¹⁾ Матер. V, 368. VIII, 6, 29, 34 и др.

совсѣмъ не замѣчая совершаемой имъ подмѣны, такъ какъ самъ вѣруеть въ реальную истинность и дѣйствительность созданія своей фантазіи. Отсюда сомо собою получается, что когда Аввакумъ борется съ Никономъ, то въ существѣ дѣла онъ борется не съ дѣйствительнымъ историческимъ Никономъ, а только съ созданіемъ своей собственной фантазіи. Въ представленіи Аввакума эта борьба была ни болѣе ни менѣе какъ борьбою съ самимъ дьяволомъ, только порожденіемъ и орудіемъ котораго былъ Никонъ. Борясь съ Никономъ, кудесникомъ, еретикомъ и сыномъ дьявола, Аввакумъ на самомъ дѣлѣ боролся, по его глубокому убѣжденію, съ самимъ сатанюю, и своею борьбою спасалъ родную Русь и всѣхъ своихъ „миленькихъ“ отъ хитро разставленныхъ сѣтей дьявола. Понятенъ отсюда весь задоръ и вся крайняя несдержанность Аввакума относительно Никона: въ борьбѣ съ самимъ дьяволомъ нечего церемониться въ выборѣ средствъ,—тутъ всѣ средства хороши, лишь бы только онѣ достигали цѣли: спасали истинно вѣрующихъ отъ уготованной имъ дьяволомъ вѣчной гибели. Понятно отсюда также и то, что вся борьба Аввакума съ Никономъ,—созданіемъ его собственной фантазіи, была борьбою очень странною, борьбою не съ реальною дѣйствительною опасностію православію, а съ опасностію только воображаемою, борьбою съ грезами и галлюцинаціями своего собственнаго до болѣзненности напряженнаго воображенія. А между тѣмъ на эту борьбу Аввакумъ затратилъ всю свою некороткую жизнь, всѣ свои силы и недюженныя природныя способности, терпѣлъ изъ за нея всевозможныя лишенія и страданія и закончилъ ее мученически—на кострѣ.

Кромѣ Никона Аввакумъ нападаетъ и на нѣкоторыхъ другихъ архіереевъ. Такъ про Іону, митрополита ростовскаго, рассказываетъ, что будто бы „медвѣдя Никонъ, смѣяся, прислать Іонѣ ростовскому на дворъ, и онъ челомъ медвѣдю,—митрополитишко, законоположникъ! А тутъ же въ сонмищѣ съ палестинскими сидитъ, бытто знаетъ!“ Къ своему земляку и бывшему пріятелю Иларіону, архіепископу рязанскому, Аввакумъ обращается съ такою рѣчью: „Мелхиседекъ прямой былъ священникъ, не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ и винъ процѣженныхъ, и пива съ кардамономъ, и медовъ лимоновыхъ и вишневыхъ, и бѣлыхъ разныхъ крѣп-

кихъ. Иларіонъ мой другъ, архіепископъ резанскій! Видишь ли, какъ Мелхиседекъ жилъ? На воронныхъ въ каретѣ не тѣшился, ѣздя! Да еще былъ царскіе породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевичъ попенокъ! Въ карету сядеть, растопыршится, что пузырь на водѣ, сѣдя на подушкѣ (расчесавъ) волосы, что дѣвка, да ѣдетъ, выставя рожу, на площадѣ, чтобы черницы—волухи—унытки любили. Охъ, охъ, бѣдной! Не кому по тебѣ плакать! Недостойнъ вѣкъ твой весь Макарьевскаго монастыря единя ноши. Помнишь-ли, какъ на комарахъ—тѣхъ ставано на молитвѣ? Явно ослѣпилъ тебя діаволь! Гдѣ ты умъ дѣлъ? Столько добра и труда погубилъ!.. Ты, мила голова, нарочитъ бываль и бѣсовъ молитвою прогонялъ! Помнишь, каменіемъ—тѣмъ тебя бросали на Лысковѣ у мужика-тово, какъ я къ тебѣ пріѣзжалъ? А нынѣ ты уже содружился съ бѣсами—тѣми, мирно живешь, въ коретѣ съ тобою жъ ѣздятъ, и въ соборную церковь и вверхъ къ царю подъ руки тебя водятъ, любимъ бо еси имъ. Какъ тебя не любить? Столько христіанъ прижегъ и пригубилъ злымъ царю наговоромъ своимъ, еще же и ученіемъ своимъ льстивымъ и пагубнымъ многихъ неискусныхъ во адъ сведе! Никто же инъ отъ властей, якоже ты, ухищреніемъ басней своихъ и пронырствомъ царя льстишь и люди Божія губишь. Да воздастъ ти Господь по дѣломъ твоимъ въ день страшнаго суда! Полно говорить“. Аввакумъ передаетъ рассказъ своего ученика, юродиваго Ѳедора, который ему сообщалъ: „былъ-де я на Резани подъ началомъ, у архіепископа на дворѣ, и зѣло-де онъ, Иларіонъ, мучилъ меня,—рѣткой день плетью не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждалъ къ новому антихристову таинству“.—Про крутицкаго митрополита Павла Аввакумъ заявляетъ, что „тотъ не живалъ духовно,—блинами все торговалъ, да оладьями, да какъ ученился попенкомъ, такъ по боярскимъ дворамъ блюда лизать научился: не видалъ и не знаетъ духовнаго житія“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ: „а о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить: тотъ явной любодѣй, церковной кровядецъ и навадникъ, убійца и душегубецъ: Анны Михайловны (Ртищевой) любимой владыка, подпазушной песь борзой, готовъ зайцовъ Христовыхъ ловить и въ огонь сажать“. Иларіонъ и Павелъ, по порученію государя, не разъ уговаривали Аввакума соединиться

съ церковію и вступали, по этому поводу, въ состязанія съ нимъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „азъ съ кабелями тѣми грызся, яко гончая собака съ борзными, съ Павломъ и Иларіономъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, обращаясь къ этимъ іерархамъ: „помните-ли?—На сонмищѣ той лукавой, предъ патріархами вселенскими, говорите мнѣ Иларіонъ и Павелъ: Аввакумъ милой, не упрямяся, что ты на русскихъ святыхъ указываешь, глупы наши святые были и грамоты не умѣли, чему имъ вѣрить! Помните, чего, не забыли, какъ я бранить сталъ, а вы меня бить стали, разумныя свиньи? Мудрены вы со дьяволомъ! Нечего много говорить и разсуждать. Да нечего у васъ и послушать доброму человѣку: все говорите, какъ продавать, какъ покупать, какъ ѣсть, какъ пить. А иное и молвить срамно, что вы дѣлаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бл...и, митрополиты и архіепископы—никоніяня, воры, прелагатаи, другія нѣмцы русскія“. Павелъ и Иларіонъ возбуждали къ себѣ особую ненависть Аввакума тѣмъ обстоятельствомъ, что они были самыми убѣжденными, энергичными и дѣятельными сторонниками и проводниками въ обществѣ реформы Никона. а вмѣстѣ съ тѣмъ они были болѣе передовыми, сочувствовавшими насажденію у насъ науки и образованности, іерархами. О послѣднемъ, очень важномъ для тогдашняго московскаго передоваго общества обстоятельстве, свидѣтельствуется невольно самъ Аввакумъ. Про Иларіона онъ разсказываетъ: „нѣкто гречинъ архимандритъ Діонисій учитъ Иларіона архіепископа рязанскаго греческимъ буквамъ, реку и нравомъ, виѣшняя мудрствующимъ. Болѣзнуя жъ, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: владыко святыи, у зазорна человѣка учишся! понеже слышахъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что софѣйской попъ Ирадіонъ извѣщалъ на него вамъ святителямъ, что онъ, архимандритъ, нѣкоего подяка... У нихъ то, грековъ, недиковина... Не добра похвала—такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учить! И архіепископъ Иларіонъ въ то время зѣло кручиненъ былъ“. Про Павла крутицкаго Аввакумъ говоритъ, толкуя одно мѣсто изъ книги Премудрости Соломона: „кую премудрость, глаголетъ, взышите? Ту ли, еяже любитъ Павелъ митрополитъ и прочіи его товарищи, зодійщики? Со мною онъ, Павелъ безумный, стязаяся, глаголющи: велѣно-

де, протопопъ, научитися премудрости альманашной и звѣздочетію, писано-де: взыщите премудрость, да поживете. Не знаетъ писанія, дуракъ. ни малехонько! Какъ быть,—на нихъ на ослахъ еретики-те ѣдутъ на владыкахъ тѣхъ!“¹⁾

Изображая въ такихъ крайне непривлекательныхъ и позорныхъ чертахъ тогдашнихъ лучшихъ нашихъ церковныхъ іерарховъ, Аввакумъ взываетъ наставительно къ своимъ послѣдователямъ: „горе, горе, братія, времени сему и намъ живущимъ! Яко духовни учителя немилосердіи, злы, пияницы и гордіи, творять развращенная, и церковь Христову возмутили, и насъ, правовѣрныхъ, оскорбляютъ и мучатъ злѣ: юзами темничными, и всякими ранами, и бѣніемъ, и морятъ голодомъ, заключенны, аки злодѣи, въ темницахъ,—за самую истину и за вѣру Ісусъ Христову. Предаютъ намъ пнако вѣровати, новыя законы, новыя книги со многими ихъ умышленными ересьми, на пагубу роду христіанскому; прелстилъ бо ихъ и обманулъ сатана, оставили бо свѣтъ, возлюбили тьму, и вся святыя догматы развратили по своему умышленію, и церковь святую разрушили и насъ—правовѣрныхъ возмутили, и самоволно приступили ко антихристу. Явѣ есть, яко уготовають путь къ пришествію его: и се духовное пришествіе его, по писанію утаено неразумѣвающимъ; оказалось и есть... О горе, горе и увы братіе! яко время зло наступило на ны, и горе пріемлющимъ отъ нынѣшнихъ пяныхъ учителей и споспѣшниковъ антихристовыхъ новыя законы, новыя книги. Отъ сего сохрани насъ Христось, Сынъ Божій! Якоже видимъ нынѣшнія мнимыя духовницы пастыри, яко аспиды глухія, заткнуша уши свои, не хотятъ слышати о истинѣ, ухищряють и прельщаютъ своими ересьми сердца несмысленныхъ, и влекутъ съ собою во адъ преисподній и во огнь геенскій. Блюдитесь, молю вы, отъ таковыхъ, и не сообщайтесь неподобнымъ и темнымъ дѣломъ ихъ“²⁾.

Вслѣдъ за архіереями Аввакумъ осыпаетъ грубой, площадной бранью и всѣхъ никоніанъ т. е. всѣхъ членовъ православной церкви, къ которымъ онъ относитъ съ величайшею ненавистію и презрѣніемъ. Для него всѣ никоніане—

¹⁾ Матер. V, 74, 137—138, 157, 300—301, 342—344. VIII, 38, 50—60.

²⁾ А. К. Вороздина: прот. Аввакумъ, прил. стр. 68, изд. 1900 г.

это что-то такое не вырази́мо скверное, нечистое и крайне зловредное, что возбуждаетъ въ немъ только негодование, отвращеніе и гнѣвъ. Вотъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ онъ отзывается о никоніанахъ и какіе эпитеты всегда прилагаетъ къ нимъ: „Отпиши ко мнѣ, какъ живутъ отщепенцы, бл...ы дѣти, новые уніаты, кои въ рогахъ ходятъ, понеже отецъ ихъ діаволь, бл...и и лжи начальникъ, ихъ тому научилъ—лгать и прельщать народы“.—„Охъ, собаки! что вамъ старина-та помѣшала? развѣ то тяжело, что блудить не велятъ старыя святыя книги. Блуди, собака, блуди, отступникъ, бабъ уніатокъ, а не замай старыхъ святыхъ непорочныхъ книгъ пречистыхъ“.—Скажи-тко, никоніанинъ, скажи: какъ не сугубъ? Богоборцы, воры, бл...ы дѣти!.. Не подобаетъ съ вами, поганцами, намъ вѣрнымъ и говорить много!“ „Посмотри-тко на рожу-ту и на брюхо-то (на иконахъ франкскаго письма), никоніанинъ окаянной, — толстъ вѣдь ты! Какъ въ дверь небесную вмѣститися хочешь! Узка бо есть, и тѣсень и прискорбенъ путь вводяй въ животоъ. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищаютъ е, а не толстобрюхіе. Воззри на святыя иконы и виждь угодившія Богу, како добрыя изуграфы подобіе ихъ описуютъ: лице, и руцѣ, и нозѣ и вся чувства тончава и измождала отъ поста, и труда, и всякія находящія имъ скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ перемѣнили, пишете таковыхъ же, яко вы сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ, и ноги и руки яко стулцы у кажнова святаго.“—„Никоніане сыны діаволу: понеже не любятъ Христа и божественнаго его креста“.—„Видиши-ли, отступниче—поползуха? Что ракъ ползаешь въ вѣрѣ—той, и такъ, и сякъ, и инакъ!“.—„Видиши-ли, никоніанинъ, что вы дѣлаете, надъ одною просфирюю кудѣсите,—дыръ 300 навертишь! Охъ, собаки! Перемѣнили преданіе святыхъ отецъ, и пять просфиръ вмѣсто семи возлюбили“.—„Богородицу со престола согнали никоніане—еретики, воры, бл...ы дѣти. Да еще бы не горько христіанину!“—„Воры, воры, бл...ы дѣти! Какъ вамъ себя не соромъ! Іудейская вся возлюбили... Да помните себѣ, что я говорю: пропасть и вамъ за собакъ мѣсто! Идетъ васъ Богъ на обращеніе; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодѣи, осквернившіе ризу крещенія, убійцы и прелюбодѣи, пьяницы и непрестаемаго грѣха желатели“.—Своихъ послѣдователей Аввакумъ поу-

часть: „а что много говорить?—не водись съ никоніянны, не водись съ еретиками: враги онѣ Богу и мучители христіаномъ, кривonosы, душегубцы!“ Впрочемъ разъ Аввакумъ выразилъ даже заботу объ обращеніи никоніанъ, но сдѣлалъ это, по обычаю, очень своеобразно—по аввакумовски. Въ одномъ мѣстѣ онъ взываетъ: „никоніянн—дураки! Съ Павломъ вамъ говорю: образумьтесь!“—И только ¹⁾).

Приведенныя нами потоки отборной ругани, всѣ злобныя, незнающія мѣры, выходки противъ никоніанъ, проклятія ихъ, признаніе ихъ сынами и слугами самаго сатаны, вызваны у Аввакума единственно тѣмъ, что со времени Никона православные стали креститься не двумя, какъ ранѣе, перстами, а тремя, стали называть Христа Іисусъ, вмѣсто стараго—Ісусъ, стали употреблять четвероконечный крестъ, не отрицая въ тоже время и восьмиконечнаго, стали трегубить, а не сугубить аллилуію, служить на пяти, а не на семи просфорахъ, перемѣнили форму монашескаго клобука и т. под. И только единственно за эти незначительныя обрядовыя перемѣны, совершенно безразличныя для вѣры и благочестія, Аввакумъ и признаетъ православныхъ самыми злыми еретиками, даже не христіанами, а слугами антихриста и самаго сатаны. Какое однако сказывается во всемъ этомъ убожество мысли, знанія, пониманія... Считавшій себя великимъ знатокомъ всего божественнаго, самыхъ сокровенныхъ божественныхъ тайнъ, непонятныхъ для другихъ, но ему открытыхъ, Аввакумъ въ дѣйствительности не зналъ и не понималъ, въ чемъ состоитъ и какъ устроится на землѣ истинная церковь Христова, откуда и какъ произошли въ ней тѣ или другіе обряды, какое они имѣютъ въ ней значеніе, какъ относятся къ ея вѣроученію и т. под. Всѣ эти вопросы лежали внѣ сферы знаній и пониманія Аввакума, и даже совсѣмъ не возникали у него, хотя обрядъ и составлялъ сущность, все содержаніе его вѣрованій, всю душу его религіозной жизни. Нельзя не признать, что Аввакумъ, въ этомъ отношеніи, былъ самымъ типичнымъ и яркимъ выразителемъ тогдашняго общерусскаго пониманія православія и правовѣрія: твердо и непоколебимо, не смотря на преслѣдованія и гоненія, стоялъ онъ, защищая малѣйшую чер-

¹⁾ Матер. V, 161, 186, 190, 300, 309, 341, 365, 371. VIII. 28, 87 и др.

точку самаго незначительнаго и безразличнаго самаго по себѣ обряда и даже просто помѣстнаго церковнаго обычая: готовъ былъ всячески пострадать и дѣйствительно страдалъ за эти безразличныя обрядовыя мелочи и черточки, не шелъ относительно измѣненія ихъ ни на какія уступки и компромиссы. Но, кичась тѣмъ, что онъ будто бы отлично знаетъ, почему намъ нужно обязательно употреблять восьмиконечный, а не четвероконечный крестъ, почему настоящую обѣдню нужно служить только на пяти, а никакъ не на семи просфорахъ и т. д., онъ, въ тоже время, грубо-еретически училъ объ основномъ и главнѣйшемъ догматѣ христіанства—о Святой Троицѣ, заблуждался относительно православнаго ученія о сошествіи Іисуса Христа во адъ, встрѣчая случайную опечатку въ старопечатныхъ книгахъ, вѣрилъ и въ опечатку, не смотря на очевидную получавшуюся отсюда бессмыслицу,—такъ написано въ святой книгѣ, значить, такъ нужно и вѣрить, неразсуждая. Конечно, еретическое ученіе Аввакума о Св. Троицѣ, неправославное его ученіе о сошествіи Іисуса Христа во адъ, его защита самыхъ опечатокъ въ старопечатныхъ книгахъ, не были слѣдствіемъ его сознательной, еретичествующей мысли, желанія имѣть, по какому либо пункту церковнаго ученія, свое собственное, несогласное съ церковію мнѣніе; все это было только выраженіемъ немощности и убожества его общаго христіанскаго развитія и пониманія, полного отсутствія у него высшаго круга христіанскихъ знаній и идей, его неспособности и неумѣнья мыслить отвлеченно, о предметахъ выходящихъ изъ сферы его непосредственнаго наблюденія, стоящихъ внѣ обыденныхъ, всеневныхъ окружающихъ его житейскихъ явленій. Относительно послѣднихъ онъ всегда проявляетъ тонкую наблюдательность, почему постоянно и мыслить самыми реальными образами и картинами, выхваченными имъ изъ обиходной жизни. Къ этому нужно прибавить и то, что Аввакумъ былъ человѣкъ очень горячій, живой, увлекающійся, плохо знавшій во всемъ мѣру, и потому особенно способный впадать во всемъ въ излішества и крайности: съ никоніанами онъ вовсе не можетъ говорить спокойно, а только, по его собственному характерному выраженію: „кричать“, „лаять“, „грызться“.

Чтобы сильнѣе опорочить въ глазахъ своихъ привержен-

цевъ и послѣдователей никоніанскую церковь и ея высшихъ представителей, Аввакумъ старается въ своихъ сочиненіяхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, подчеркнуть то обстоятельство, что господствующая церковь проявляетъ крайнюю нетерпимость къ сторонникамъ старины, относится къ нимъ мучительно, всегда жестоко гонитъ ихъ, преслѣдуетъ, всячески насильничаетъ надъ ними, чѣмъ совершенно испровергается христіанское ученіе, недопускающее и къ разномыслящимъ въ вѣрѣ никакихъ вѣшнихъ принужденій и насилій а тѣмъ болѣе гоненій и преслѣдованій. Такъ поступали только язычники, гнавшіе и преслѣдовавшіе христіанъ, но такъ по язычески невозможно поступать истиннымъ служителямъ Христа, истиннымъ представителямъ Христовой церкви. А между тѣмъ русскія власти — и духовныя и свѣтскія, всячески гнали защитниковъ русской церковной старины. Рассказывая о разстриженіи Логгина, о вырѣзываніи языковъ у нѣкоторыхъ защитниковъ старообрядства, о томъ, какъ ихъ „на Москвѣ жарили, да пекли“, Аввакумъ, по этому поводу говоритъ: „чудо, какъ въ познаніе не хотятъ прійти! Огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ?—не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господомъ реченное ко апостоломъ сиче: *шедше въ мѣръ весь проповѣдите евангеліе всей твари. Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Ев. от. Мар. зач. 71). Смотри, слышателю,—волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоломъ непокоряющихся огнемъ жжечь и на висѣлицахъ вѣшать. Татарскій богъ Магометъ написалъ въ своихъ книгахъ сиче: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учителя явны яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають; по вѣрѣ своей и дѣла творять таковы же“. Въ своемъ разсужденіи о иноческомъ чинѣ Аввакумъ говоритъ: „а никоніане пуши устремилшася на зло, чають добро творять, еже пожигаютъ Христовыхъ людей“. У никоніанъ одно: „токмо жги, да пали, сѣки, да руби, да вѣшай! единородныхъ своихъ! Слыши небо и внуши земле!

Вы будите свидѣтели нашей крови изливающейся“. Или, на-
примѣръ, Аввакумъ пишетъ: „ты, никоніанинъ, чѣмъ по-
хвалился?—скажи-тко! Антихристомъ своимъ нагимъ развѣ,
огнемъ, да топоромъ, да висѣлицею? Богаты вы тѣмъ!—знаю
я. У васъ нынѣ: сѣки, да руби, жги, да пали, да вѣшай!“¹⁾.

Изъ приведенныхъ заявленій Аввакума съ очевидностію,
повидимому, слѣдуетъ, что онъ былъ горячимъ поклонни-
комъ и проповѣдникомъ полной широкой вѣротерпимости,
врагомъ всякихъ внѣшнихъ принужденій и насилій въ дѣ-
лахъ вѣры,—поклонникомъ и проповѣдникомъ того тезиса,—
что всякое принужденіе и насиліе въ дѣлахъ вѣры противно
ученію Христа и его апостоловъ, и что оно должно быть
совершенно чуждо и несвойственно истинной Христовой цер-
кви, и потому никогда и никакимъ истиннымъ христіани-
номъ не должно быть употребляемо. Но думать такъ объ
Аввакумѣ было бы очень ошибочно.

Въ своей частной жизни, въ своей протопопской практикѣ,
Аввакумъ любилъ прибѣгать къ внѣшнимъ принужденіямъ,
насиліямъ, побоямъ и даже истязаніямъ, и относительно всѣхъ
такъ или иначе зависившихъ отъ него лицъ, которыми онъ
почему либо былъ недоволенъ. Однажды, рассказываетъ Ав-
вакумъ, когда онъ былъ еще священникомъ въ Лопатицахъ,
„приде ко мнѣ исповѣдаться дѣвица, многими грѣхми об-
ременена, блудному дѣлу и малакии всякой повинна: нача
мнѣ, плакавшеся, подробну возвѣщати въ церкви, предъ
евангеліемъ стоя. Азъ же, трекоаянный врачъ, самъ разбо-
лѣлся, внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ. И горько мнѣ бысть.
Въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налоу, и
возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже во
мнѣ угасло злое разженіе“ — Жена Аввакума, протопопица
Настасья Марковна, такая же ревнительница по старомъ
благочестіи, такая же мужественная и непоколебимая при
перенесеніи всѣхъ бѣдъ и лишеній, какъ и ея мужъ, „со
вдовою домочадицею Фотиніею межъ собою побранились,—
дѣволъ ссорилъ ни за что. И я, рассказываетъ Аввакумъ
объ этомъ прискорбномъ для него событіи, пришедъ, билъ
ихъ обѣихъ, и оскорбилъ гораздо“. Но потомъ скорый на

¹⁾ Матер. V, 88, 287, 367.

руку протопопъ одумался: „жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощатце со слезами, а самъ ей, въ землю кланяясь говорю: согрѣшилъ Настасья Марковна, — прости мя грѣшнаго! Она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фотинією тѣмъ же образомъ простился. Таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ: человѣкъ было 20,—и жена и дѣти всѣ, плачучи, стегали. А я говорю: аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части во царствіи небеснѣмъ! И они, нехотя, бьютъ и плачутъ; а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили, и я, воставше, сотворилъ предъ ними прощеніе“.—О своемъ отношеніи къ провинившимся подчиненнымъ Аввакумъ рассказываетъ: „егда время приспѣеть заутрени, не спрашиваю пономоря, самъ пошелъ благовѣститъ. Пономарь прибѣжить. Отдавъ колоколь, пошедь въ церковь, и начну полунощницу: докамѣсть сходятся крылошаня, а я проговорю въ тѣ поры. Прощаются — ино Богъ простить; а которой дуруетъ, тотъ на чепь добро—пожаловать: не раздувай уса—тово у меня.“ Сажанье на цѣпь, стеганье ремнемъ и четками виновныхъ въ чемъ либо, было самымъ обычнымъ приемомъ исправленія у Аввакума. Во время пребыванія Аввакума въ Тобольскѣ дьякъ тамошняго архіепископа, Иванъ Струна, „церкви моя, рассказываетъ Аввакумъ, дьяка Антонія мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же, Антонъ, утеча у него, и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инъ день прииде ко мнѣ въ церковь,—а я вечерню пою,—и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на крылосѣ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и замкнулъ, и никого не пустилъ,—одинъ онъ, Струна, въ церкви вертится, что бѣсъ. И я, покиня вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито—таки; а прочіи, человѣкъ съ двадцать, вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ“.—У Аввакума какъ-то жилъ бѣсноватый, котораго онъ всегда заставлялъ молиться вмѣстѣ съ собою. Но тотъ „у правила стоять не захочетъ, дьяволъ сонъ ему наводитъ: и я постегая четками, такъ и молитвутворитъ станетъ и кланяется, за мною стоя.“—Другой исцѣленный имъ бѣсноватый, рассказываетъ Аввакумъ, „сталъ со мною на крылосѣ пѣть литургію: во время

переноса и досадилъ мнѣ. Азъ въ то время побилъ его на крылосѣ, и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать ко стѣнѣ“¹⁾).

Какъ иногда энергично и какими мѣрами воздѣйствія направлялъ Аввакумъ грѣшниковъ и грѣшницъ, это видно изъ слѣдующихъ двухъ картинныхъ его разсказовъ. „Въ Тобольскѣ градѣ, повѣствуетъ Аввакумъ, прииде ко мнѣ въ домъ искунитель, чернецъ пьяной и кричить: учителю, учителю! дай мнѣ скоро царство небесное! Часу въ пятомъ или шестомъ ноши, азъ съ домоладцы коновы говорю: кричить чернецъ неотступно. Подумаю,—бѣда моя, что сотворю? Покинуль правило говорить, взялъ его вызбу и рекохъ ему: чесо просиши? Онъ же отвѣщавъ: хощу царства небеснаго скоро, скоро! Азъ же глаголю ему: можеши-ли пить чашу, ея же ти поднесу? Онъ же рече: могу!—давай въ сій часъ, не закося! Азъ же приказалъ пономарю стулъ посреде избы поставить и топоръ мясной на стулъ положить, вершить чернца хочу. Еще же канатной толстой шелепъ приказалъ сдѣлать. Взявше книгу, отходную сталъ ему говорить и со всѣми прощаться. Онъ же задумался. Таже на стулъ велѣлъ ему главу возложить: и шелопомъ пономарь по шеѣ. Онъ же закричалъ: государь, виновать, пощади, помилуй! И пьянство скочило. Ослабили ему. Паль предъ мною. Азъ же далъ ему четки въ руки, полтора ста поклоновъ предъ Богомъ за эпителию велѣлъ класть. Поставилъ его пономарь въ одной свиткѣ,—манатью и клобукъ снялъ и на гвоздь повѣсилъ. Я, ставъ предъ образъ Господень, вслухъ Исусову молитву говоря, на колѣни поклонюся; а онъ послѣдуя, стоя за мною, также на колѣни; а пономарь шелепомъ по спинѣ. Да уже насилу дышать сталъ: такъ ево употчивалъ пономар-еть! Вижу я, яко довлѣетъ благодати Господни: въ сѣни его отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросилъ онъ изъ сѣней, да и чрезъ заборъ, да и бѣгомъ. Пономарь кричить вослѣдъ: отче, отче! манатью и клобукъ возми! Онъ же отвѣща: горите вы и совсѣмъ! Не до монатьи стало“, замѣчаетъ Аввакумъ. Другой случай. Аввакумъ какъ-то въ Сибири неожиданно наткнулся на случай прелюбодѣянiя и, конечно, пустился на обличенiя. „И я говорю, разсказываетъ

¹⁾ Ibid. V, 10—11, 23, 97, 101. VII, 91.

онъ: что се творите? Не по правиломъ грѣхъ содѣваете! И онъ сопротивно мнѣ: не осуждай! И азъ паки имъ: не осуждаю, а не потокаю“. И такъ какъ виновная не только не заявляла раскаянія, но еще стала и посмѣиваться, то Аввакумъ „свелъ ихъ въ приказъ (участокъ) воеводы. Тѣ (въ приказѣ) къ тому дѣлу милостивы,—смѣхомъ дѣлаютъ: мужика, постегавъ маленько, и отпустилъ, а ея мнѣ жъ подначаль и отдалъ, смѣючись. Прислалъ. Я подъ полъ ея спряталъ. Дни съ три во тмѣ сидѣла на холоду,—заревѣла: государь батюшко Петровичъ! Согреѣшила предъ Богомъ и предъ тобою! Виновата,—небуду такъ впредь дѣлать! Прости меня грѣшную! Кричитъ ночью въ правило,—мѣшаетъ говорить. Я су пересталъ правило говорить, велѣлъ ея вынять, и говорю ей: хочешь ли вина и пива? И она дрожитъ и говоритъ: нѣтъ, государь, не до вина стало! Даи, пожалуйт, кусочекъ хлѣбца. И я ей говорю: разумѣй, чадо,—похотѣние то блудное пища и питіе рождаетъ въ человѣкѣ, и ума недостатокъ, и къ Богу презорство и безстрашіе: наѣдшися и напився пьяна, скачешь, яко юница быковъ желаешь, и яко кошка котовъ ищешь, смерть забывше. Потомъ даль ей четки въ руки, велѣлъ класть предъ Богомъ поклонны. Кланялася, кланялася,—да и упала. Я пономарю шелепомъ приказалъ. Гдѣ—петъ дѣтца? Чортъ плотной на шею навязался! И плачу предъ Богомъ, а мучу. Помню, въ правилѣхъ пишеть: предлюбодѣй и на Пасху безъ милости мучится. Начала много даль, да и отпустилъ. Она, съ досадою замѣчаетъ Аввакумъ, и паки за тотъ же промыслъ, сосудъ сатанинъ!“¹⁾

Такимъ образомъ Аввакумъ въ своей частной жизни и дѣятельности приверженъ былъ къ кулачной расправѣ, къ физическимъ насильственнымъ дѣйствіямъ относительно въ чемъ либо погрѣшившихъ лицъ. Недаромъ, конечно, и самъ онъ о себѣ заявляетъ: „всегда такой я, окаянной, сердитѣ, драгца лихой“²⁾. Вполнѣ естественно было поэтому, что такой лихой на драку человѣкѣ, считавшій, для искупленія всякаго простаго согрѣшенія, обязательнымъ физическое страданіе, не могъ быть вѣротерпимымъ, не могъ, хотя бы

¹⁾ Матер. V, 200—201, 254—255.

²⁾ А. К. Бороздина: прот. Аввакумъ, прилож. стр. 108.

сколько нибудь снисходительно, относиться къ иновѣрующимъ,—еретикамъ по его представленію. Если нашихъ едновѣрныхъ согрѣшающихъ слѣдовало подвергать за грѣхъ физическимъ страданіямъ, то конечно еретиковъ, за ихъ ересь, слѣдовало всячески казнить и прямо истреблять безъ всякаго сожалѣнія и снисхожденія. Такъ дѣйствительно и думалъ Аввакумъ, такія именно жестокия, безпощадныя отношенія онъ и желалъ устроить ко всѣмъ столь ненавистнымъ ему еретикамъ—никоніанамъ. Онъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „знаете-ли, вѣрніи? Никонъ пресквернѣйшій,—отъ него бѣда-та на церковь-ту пришла. Какъ бы доброй царь, повѣсилъ бы его на высокое дерево, яко древле Артаксерксъ Амана, хотяща погубити Мардохея и родъ израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ. А то чему быть! Умъ отнял у милого, у нынѣшняго, какъ близъ его былъ“. Къ царю Алексѣю Михайловичу Аввакумъ обращается съ такимъ совѣтомъ: „перестань-ко ты насъ мучить-тово! Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ. Право будетъ хорошо“. Въ посланіи къ царю Федору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ: „а что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю. Да воевода бы мнѣ крѣпкоумный—князь Юрья Алексѣевичъ Долгорукий! Перво бы Никона собаку и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никоніанъ. Князь Юрья Алексѣевичъ! не согрѣшимъ, небось, но и вѣнцы побѣдныя пріимемъ!“ Но, къ счастью, Аввакумъ не имѣлъ ни силы, ни власти привести въ исполненіе свои кровавыя, безпощадныя мѣры относительно никоніанъ. Тогда Аввакумъ возложилъ свои кровавыя мстительныя надежды на турокъ и татаръ, которые, по его представленію, должны напасть на Русь и кровью и опустошеніями отмстить всѣмъ никоніанамъ за ихъ преслѣдованія защитниковъ старины. „Надѣюся, пишетъ онъ, Тита втораго Іусписіановича на весь новый Іерусалимъ, идѣже течетъ Истра рѣка, и съ пригородкомъ, въ немже Неглинна течетъ (т. е. Москва). Чаю, подвигнетъ Богъ того же турка на отмищеніе кровей мученическихъ. Пускай любодѣицу—ту по-

трясутъ, хмѣл-ятъ выгонять изъ бл...и! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: никоніанамъ „быть прогнаннымъ отъ Духа въ степь ко Измаилу, еже есть предасть Богъ, яко грековъ, туркамъ и крымскимъ татаровямъ, а въ будущій вѣкъ въ преисподній тартаръ всѣхъ съ жидами заодно“. Но и эти надежды Аввакума на турокъ и татаръ не исполнялись. Тогда онъ, утѣшенія и обѣщанія своимъ послѣдователямъ въ ихъ полномъ удовлетвореніи за земныя страданія, переноситъ изъ здѣшней жизни въ будущую, когда они уже несомнѣнно и всецѣло восторжествуютъ надъ безбожными никоніанами, когда Христосъ отдастъ послѣднихъ въ ихъ руки, на ихъ судъ и усмотрѣніе, и когда они, сами неизрѣченно блаженствуя, въ тоже время будутъ наслаждаться зрѣлищемъ вѣчныхъ адскихъ мученій никоніанъ. Вотъ, на примѣръ, какія въ этомъ отношеніи соблазнительныя для своихъ послѣдователей и пріятныя картины рисуетъ Аввакумъ. Никоніанинъ, говоритъ онъ, „не уйдетъ (отъ тебя) у праведнаго Христова суда, и тогда натѣшишься надъ нимъ, по писанному: святіи мируи судити хотятъ. Вотъ, внимай: егда Христосъ тебѣ ево отдастъ, кто можетъ тогда отнять? Какъ захочешь, такъ осудишь ево о Христѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ, что Христосъ „никоніанамъ не царь: у нихъ антихристъ царь. Дайте-ко срокъ. Во Апокалипсисѣ писано: выѣдетъ на конѣ бѣломъ и царя ихъ со лжепророкомъ въ огнь всадитъ живыхъ. Потомъ и діавола за ними же. Измѣнитъ же ихъ, собакъ, во мгновение ока, сирѣчь убіетъ, да и паки оживитъ, да ужъ въ огон-еть кинетъ. А прочихъ войско-то ихъ побито будетъ на мѣстѣ нѣкоемъ Армагеддонѣ. Тѣ до общаго воскресенія не оживутъ; тѣлеса ихъ птицы небесныя и звѣри земныя ѣсть станутъ: тушны гораздо, брюхаты,—естъ надъ чѣмъ птицамъ и звѣрямъ прохлажаться. Пускай онѣ нынѣча бранятъ Христа, а насъ мучатъ и губятъ: отольются медвѣдю коровьи слезы,—потерпимъ, братія, не поскучимъ, Господа ради“. Или, на примѣръ, Аввакумъ говоритъ: „ты (никоніанинъ), собака по-еши: *идеши*,—антихриста ждетъ! А насъ мучите, силою велите антихристу своему вѣровати. Возми—здорово,—будетъ по вашему! Нѣтъ, друшки, не надѣйтесь! Жить намъ со своимъ надежею—Христомъ, Сыномъ Божиимъ, и умремъ съ нимъ, и паки оживемъ съ нимъ; а васъ собакъ всѣхъ намъ

подъ началъ отдасть. Дайте-ко срокъ,—я вамъ и лутчему тому ступлю на горло о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ“. Или, напримѣръ, Аввакумъ злобно говоритъ: „дайте только срокъ, собаки, не уйдете у меня: надѣюся на Христа, яко будете у меня въ рукахъ! выдавлю я изъ васъ сокъ-отъ“¹⁾.

Правда, въ своемъ посланіи ко всѣмъ вѣрнымъ Аввакумъ какъ будто учитъ своихъ послѣдователей быть терпимыми и даже молиться за своихъ враговъ. Онъ пишетъ: „молися за противнаго, яко и самъ Господь о Іеросалимѣ плакаша, и Стефанъ первомученикъ о убивающихъ моляшеса, и Моисей: Господи, аще люди сія погубляеши, истреби и меня отъ книги животныя. Тако и ты говори: Господи, накажи (г. е. просвѣти) сопротивляющихся и привлецы ко истиннѣ твоей, имиже вѣси судьбами своими праведными“. Но къ этому онъ сейчасъ же прибавляетъ и слѣдующее: „аще ли не лежитъ въ нихъ покаяніе и вѣсть мѣста ко обращенію, пресѣки жизнь нечестиваго, да не протяжается во грѣсѣхъ своихъ“, т. е. и здѣсь Аввакумъ учитъ своихъ послѣдователей молить Господа, чтобы Онъ „пресѣкъ“ жизнь нечестивыхъ, подъ которыми Аввакумъ разумѣетъ всѣхъ въ чемъ либо несогласныхъ съ нимъ, и особенно никоніанъ. Такое свое пониманіе этаго дѣла болѣе опредѣленно онъ выясняетъ въ другомъ мѣстѣ. Приводя слова Господа: *любите враги ваша*, онъ рассуждаетъ: „своего врага люби, а не Божія, сирѣчь еретика и навѣтника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душею и тѣломъ; а еще кто не богоборецъ и не еретикъ досаждаетъ ти, таковаго любить подобаетъ по заповѣди Господни. Тому же подобно и мирное поставленіе. Съ еретикомъ какой миръ? Бранися съ нимъ и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному... Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣрїи: токмо плюй на него“²⁾. Очевидно у Аввакума двѣ мѣрки въ отношеніяхъ: одна для своихъ, другая для иновѣрующихъ; однихъ—своихъ, нужно любить и прощать; другихъ—иновѣрныхъ, нужно ненавидѣть, браниться съ ними до смерти, не говорить съ ними о правовѣрїи, плевать на нихъ.

Нравственная истинно-христіанская высота человѣка, нрав-

1) Матер. V, 156, 205, 248—249, 306, 309—310. VIII, 29, 45, 56.

2) Матер. V, 241. VIII, 60—61.

ственное христіанское величіе и святость, проявляются главнымъ образомъ не просто только въ спокойствіи, въ сдержанности, въ доброжелательномъ постоянно отношеніи ко всѣмъ, особенно къ людямъ съ нами несогласнымъ, къ намъ нерасположеннымъ, но и въ любви къ самымъ врагамъ нашимъ, въ полномъ ихъ всепрощеніи, въ желаніи имъ блага и добра, въ заботѣ объ ихъ спасеніи. У святаго страдальца, угодника Божія и мученика, протопопа Аввакума, ничего этого нѣтъ. Онъ любитъ только своихъ учениковъ и послѣдователей, только всѣхъ вѣрящихъ въ него, преклоняющихся предъ нимъ, безусловно признающихъ его высшій авторитетъ и во всемъ съ нимъ соглашающихся. Въ тоже время онъ искренно, отъ всей души ненавидитъ своихъ враговъ и всѣхъ, въ чемъ либо несогласныхъ съ нимъ и—особенно никоніанъ; онъ всячески ругаетъ и позоритъ ихъ самихъ, ихъ вѣрованія, всякую ихъ святыню, онъ страстно желаетъ имъ всякаго зла и всякихъ бѣдъ, злорадно и съ услажденіемъ рисуетъ картины ихъ будущихъ вѣчныхъ адскихъ мученій; онъ готовъ бы былъ и сейчасъ, если бы только у него была сила и власть, всѣхъ ихъ перевѣшать и перепластать, какъ бѣшенныхъ собакъ. Но этого мало. Онъ всячески старается, въ умахъ и сердцахъ своихъ послѣдователей, сѣять ту же неукротимую вражду и злобу ко всѣмъ никоніанамъ, какую чувствуетъ самъ, желаетъ навсегда прервать между ними всѣ средства къ взаимному общенію, и тѣмъ закрыть имъ и въ будущемъ возможные пути къ примиренію. Эта его проповѣдь необходимо дѣйствовала на его учениковъ и послѣдователей развращающимъ образомъ, питая въ нихъ самыя дурныя и низкія чувства. И если послѣдующая старообрядческая община не проявила тѣхъ отрицательныхъ и позорныхъ качествъ, какія къ ней старался привить Аввакумъ, то вина этого лежитъ не въ Аввакумѣ.

Вмѣстѣ съ проповѣдію крайней нетерпимости и вражды къ никоніанамъ, Аввакумъ проявилъ еще и крайне отрицательное отношеніе къ наукѣ, научному знанію, къ ученымъ и вообще образованнымъ лицамъ, что опять было великимъ зломъ для всей послѣдующей жизни старообрядчества.

Въ борьбѣ съ старыми церковными порядками въ первый разъ у насъ официальная правительственная Русь стала выдвигать, хотя нерѣшительно и несмѣло, на первый планъ

въ церковныхъ вопросахъ науку, научное знаніе, авторитетъ научно образованныхъ лицъ; у насъ теперь стали требовать признанія церковной реформы между прочимъ и потому, что она производилась лицами научно образованными, обладающими высшими, только наукой даваемыми, свѣдѣніями; стали заявлять, что людямъ неученымъ, и совсѣмъ необразованнымъ, слѣдуетъ подчиняться авторитету людей ученыхъ, что безъ научнаго образованія, безъ научныхъ знаній, нельзя братья за рѣшеніе разныхъ богословскихъ и церковныхъ вопросовъ, какъ это дѣлаютъ необразованные, мало свѣдующіе и плохо понимающіе дѣло защитники старины. Въ Москвѣ теперь, по поводу борьбы съ старообрядствомъ, въ первый разъ многими понята и ясно признана была несостоятельность старой русской образованности, основанной на простомъ, случайномъ и одностороннемъ начетчествѣ, признано было, что старый русскій начетчикъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ въ существѣ дѣла очень темный малосвѣдущій человекъ, всегда узкій, ограниченный и нетерпимый, мало способный къ усвоенію высшаго круга идей и знаній, и вообще всего, что выходитъ изъ рамокъ его узкаго, односторонняго міросозерцанія и пониманія. Съ своей стороны и защитники церковной старины увидѣли, что противъ нихъ, и всей русской старины, выдвинута новая сила, сила могучая и очень привлекательная для многихъ, и потому очень опасная и лично для нихъ и для всего защищаемаго ими стариннаго уклада русской жизни, что эта сила грозитъ все передѣлать и перестроить на новый ладъ, грозитъ всю дальнѣйшую русскую жизнь двинуть на иной путь, нежели по какому она шла ранѣе. Тогда со всей силой и энергіей они ополчились противъ науки; стараясь всячески ея дискредитировать въ глазахъ всѣхъ благочестивыхъ русскихъ, выставить ея крайне вредною и опасною для вѣры и благочестія, изобразить ея какъ порожденіе самого дьявола, какъ причину невѣрія, ересей и всякихъ заблужденій въ церкви Христовой. Съ пѣной у рта они набрасывались на представителей и носителей науки, осыпая ихъ потокомъ грубой брани, насмѣшокъ и издѣвательствъ, изображали ихъ—„пьяныхъ философовъ“—людьми безбожными, совершенно испорченными нравственно, годными только на лесть и пресмыкательство предъ сильными

міра сего. Во главѣ заклѣтыхъ враговъ науки, всякихъ научныхъ знаній и научнаго образованія вообще, стоялъ прополощъ Аввакумъ, самъ однако никогда незнавшій и, потому, совсѣмъ непонимавшій науки.

Аввакумъ поставилъ своею задачею крѣпко-накрѣпко закрыть для своихъ послѣдователей двери ко всякому научному знанію и образованію, онъ старался внушить имъ отвращеніе къ наукѣ, стремленіе бѣжать отъ нея какъ можно дальше, такъ какъ соприкосновеніе съ ней, по его мнѣнію, можетъ только осквернить и развратить всякаго истинно вѣрующаго и благочестиваго человѣка.

Въ своемъ „житіи“ Аввакумъ пишетъ, что Діонисій Ареопажитъ, „прежде даже не пріити въ вѣру Христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Тимоѣю пишетъ въ книгѣ своей, сице глаголя: дитя, али не разумѣешь, яко вся сія виѣшняя бл.ъ ничтоже суть, но токмо и прелестъ и тля и пагуба... Исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, воеже спастися имъ: и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимуть не вѣровавшіи истинѣ, но благоволиша о неправдѣ“. Въ своемъ небольшомъ трактатѣ: „о виѣшной мудрости“ Аввакумъ рассуждаетъ: „алманашники и звѣздочетцы и вси зодѣйщики познали Бога виѣшною хитростію, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своему мудростію начинающе, якоже первый бл...ный Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатай, блудодѣй, и Ермисъ пѣяница, и Артемида любодѣица, о нихже Гранографъ и вси Кронники свидѣтельствуютъ, таже по нихъ бывше Платонъ и Пифагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иппократъ и Галинъ: вси сіи мудри быша и во адъ угодиша. Достигоша съ сатаню разумомъ своимъ небесныхъ твердей и звѣздное теченіе поразумѣвше, и оттолѣ пошествіе и движеніе смотряху небснаго круга, гадающе къ людской жизни вѣка сего настоящаго,—или тщету, или гобзованіе, и тою мудростію своею уподобляхуса Богу, мнящеся вся знати... И взимахуса, бл...ны дѣти, выше облакъ,—слово въ слово яко и сатана древле. Сего ради отверже ихъ Богъ: благоизволилъ буйствомъ апостоловъ спасти хотящихъ наслѣдовати спасеніе.

Вси христіане отъ апостоль и отъ отецъ святыхъ научени быша смиренію, и кротости, и любви нелицемѣрной; съ вѣрою непорочною и постомъ, и со смиренною мудростію, живуще въ трезвости, достизаютъ не мудрости внѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ, ко престолу царя славы, и со ангелы сподобляются славити Бога; души ихъ во благихъ водворяются, а тѣлеса ихъ на земли нетлѣнны быша и есть. Видждь, гордоусецъ и алманашникъ, гдѣ твой Платонъ и Пифагоръ! Тако ихъ, яко свиней, вши съѣли и память ихъ съ шумомъ погибе, гордости ихъ и уподобленія ради къ Богу... Видждь, безумной зодійщикъ, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите Богу и Творцу всѣхъ: токмо насыщатися и упиватися и бабъ блудить ваше дѣло“. Въ толкованіи на книгу бытія Аввакумъ говоритъ: „не всѣ судьбы его (Божіи) человѣку надобно вѣдать: полно и тово, что и на земли надѣлалъ и далъ знать. И отъ тово человѣкъ что пузырь раздувается; а кабы небесная-то вѣдалъ, и онъ бы равень былъ діаволу. Аще волхвы и звѣздохотцы, и всѣ алманашники, по звѣздамъ гадая, время назирають, дня и часа смотряють: а все блудятъ. Обманываетъ ихъ діаволь. Не сбывается на ихъ коварствѣ. Токмо Господу досаждаютъ, и отъ него, Бога, тѣмъ отступаютъ. Увы о нихъ бѣдныхъ! Сію проклятую хитрость по потоцѣ въ пятьсотное лѣто, при столпотвореніи, Невродъ исполинъ обрѣте, послѣ людей потопныхъ... И нынѣшнія алманашники, слыхаль я, мало покоя имѣють себѣ: и ветхая испражнять поидеть, а въ книжку поглядитъ, здорово ли испразднится. Бѣдные, бѣдные! Какъ вамъ не соромъ себя! Оставя промыслъ Творца своего, да діаволу работаете, невродяне безчинники!... Свиньи и коровы болши васъ знаютъ—предъ погодою вижжатъ, да ревутъ, да подъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумные свиньи, лице небу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть! Горе, да только съ вами, съ толстыми быками!“ Поучая своихъ послѣдователей отъ лица ап. Павла и Златоуста Аввакумъ пишетъ: „внимайте реченію и послѣдуйте словесемъ ихъ, не ищите риторики и философіи, ни краснорѣчія, но здравымъ истиннымъ глаголомъ послѣдующе, поживите. Понеже риторъ и философъ не можетъ быти христіанинъ,—Григоріи Нискійи пишетъ. II

Златоустъ тому же согласуеть, сице глаголя: яко ни на прагъ церковный риторъ и философъ достоинъ ввити. И Павелъ апостоль глаголетъ: придохъ бо не по превосходному словеси разума челоувѣча, но въ показаніи духа и силы. И въ другой главизнѣ пишетъ: погублю премудрость премудрыхъ, и разума разумныхъ отвергуся. Да и вси святіи насъ научають, яко риторство и философство внѣшняя бл., свойственна огню негасимому: отъ того бо рождается гордость, мати пагубѣ, и нѣсть ми о семъ радѣнія. Азъ есмь ни риторъ, ни философъ, дидакальства и логофетства не искусень, простецъ челоувѣкъ и зѣло исполненъ невѣденія“¹⁾.

Но, признавая себя челоувѣкомъ неученнымъ и несмысленнымъ, въ то же время Аввакумъ признаеть, что онъ, „аще и неученъ словомъ, но не разумомъ; неученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, якоже апостоль глаголетъ: аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ“. И этого для него—Аввакума вполне достоточно. Наука, затмѣвая и крайне надмѣвая умъ челоувѣка, и тѣмъ отвращая его отъ Бога и низводя прямо въ адъ, не даетъ даже никакихъ внѣшнихъ преимуществъ изучающему ея предъ челоувѣкомъ истинно вѣрующимъ, такъ какъ „и кромѣ философіи и кромѣ риторики и кромѣ грамматики мощно есть вѣрну сущу препрети всѣхъ противящихся истинѣ“. Это потому, что „Христось не училъ насъ ни діалектикѣ, ни краснорѣчію“, потому-то, конечно, „риторъ и философъ не могутъ быть христіанами“. Изъ науки никоніанъ и всѣхъ вообще еретиковъ получается всегда нѣчто очень жалкое, поверхностное и очень зловредное для самихъ еретиковъ. „У еретиковъ—тѣхъ, говоритъ Аввакумъ, у всѣхъ вымысль: верхи у писанія того хватають, что мыши углы у книгъ тѣхъ угрызають, а внутрь лежащаго праведнѣ нимало разсудять; и иное знаютъ, да ухищреніемъ заминають, и всѣмъ хотящимъ спастися запинаять“ Никоніане, увѣряеть Аввакумъ, даже будто бы сознають, что защищаютъ неправду, и только по своей гордости и надмѣнности не хотятъ признаться въ своемъ заблужденіи предъ защитниками старинны, которыхъ они признають невѣжественными и ничего непо-

¹⁾ Матер. V, 3. 298—299, 333—335. А. К. Бороздина: Прот. Аввакумъ, прил., стр. 133.

нимающими. „Никоніане, говоритъ Аввакумъ, забрели во глубину золь за стыдъ свой; а совѣстьми-тѣми бодоми, яко жидовя, вѣдають, что своровали надъ церковію. Бываетъ то, яко и неради тому; за совѣсть стало,—невозможно стало покинуть дондеже изводъ возметъ“. Гордость, питаемая наукой, совѣмъ губить никоніанъ. Аввакумъ пишетъ; „бѣда отъ гордыхъ церкви Божіей,—тотъ сякъ, а инъ инако. Я помышляю: недостатокъ ума большой въ челоувѣкѣ томъ, иже гордость содержитъ и, чается, ему мнится хорошо, а все развалилося. Якоже и дьяволъ самъ за недугъ сей изверженъ среди огня и отриновень отъ лица Божія, во тму осужденъ, а таки величается,—я-де великъ, я обладаю всѣмъ! И надъ свиніями не имать власти. Тако и гордый мнится имѣя вся, а ничтоже сый,—во всемъ отъсюду гнило и развалилося, и душевная и тѣлесная“ ¹⁾.

Единственнымъ источникомъ всякаго истиннаго и спасительнаго для челоувѣка знанія, Аввакумъ признаетъ только старопечатныя до никоновскія книги, причемъ онъ мало довѣряетъ книгамъ рукописнымъ, такъ какъ въ послѣднихъ можно найти всячину. „Мы такъ вѣруемъ, говоритъ онъ, какъ церковныя (печатныя) книги учать. А въ писмянныхъ—тѣхъ всячину найдешь“. Заповѣдуя своимъ послѣдователямъ бѣгать отъ еретиковъ и не говорить съ ними о правовѣрїи, онъ совѣтуетъ имъ: „взыщи христіанина, который святыхъ книгъ не уничижаетъ, и съ нимъ бесѣдуй, разсуждая премудрость, писанную во святыхъ старопечатныхъ книгахъ: и приложить примати. Такъ обоимъ добро будетъ отъ Христа Бога“. „А я грѣшный, про себя говоритъ Аввакумъ, кромѣ писаново, не хощу собою затѣвать: какъ написано, такъ и вѣрую; идѣже что святые написали, мнѣ такъ и добро“ ²⁾. Значить, единственный источникъ всякихъ знаній, какой признаетъ Аввакумъ, и какого обязаны держаться всѣ его послѣдователи—это старопечатныя церковныя книги: только на ихъ основѣ и въ предѣлахъ заключающихся въ нихъ матерій, позволительны благочестивыя бесѣды и разсужденія; всякій другой источникъ знанія, каковы разныя науки, совершенно недопустимы для истинно вѣрующаго и

¹⁾ Матер. I, 486—488. V, 373. VIII, 17, 49.

²⁾ ibid. VIII, стр. 62, 84 и 108.

благочестиваго человѣка въ виду того, что онѣ не даютъ вѣрующему никакихъ спасительныхъ знаній, а только надмѣваютъ и развращаютъ его умъ, отдаляютъ его отъ Бога и, въ концѣ, ведутъ къ вѣчной гибели. Даже такіе великіе и добродѣтельные мужи древности, какъ Пифагоръ и Платонъ, и особенно послѣдній, на изученіи сочиненій котораго воспитывались величайшіе святые отцы и учителя церкви, все-таки, по увѣренію Аввакума, и сейчасъ мучается въ аду за свою науку и за свой наукою надменный умъ. Понятно, что вмѣстѣ съ внѣшнею мудростію, выражающеюся въ разныхъ наукахъ, въ обществѣ единственно истинно вѣрующихъ недопустима никакая критика, никакое самостоятельное мышленіе и изысканіе, такъ какъ нужно не изыскивать, а только крѣпко вѣровать въ то, „что святые написали“, вѣровать именно такъ, какъ написано, а не такъ, какъ говоритъ человѣческое изысканіе, надменный человѣческій умъ. На всякую самостоятельную, свободную мысль человѣка, на всякое его стремленіе къ самостоятельному и независимому изученію и знанію, на всякую его попытку выбиться изъ тѣснаго односторонняго круга разъ установившихся понятій, наложена была Аввакумомъ прочная узда, которая должна была если не навсегда, то надолго затруднить возможность появленія въ средѣ старообрядческаго общества людей высоко культурныхъ, научно развитыхъ и образованныхъ, людей способныхъ смѣло и самостоятельно вращаться въ высшемъ кругѣ идей и знаній, способныхъ будить и двигать своихъ собратьевъ по пути дальнѣйшаго развитія и расширенія истинно христіанской жизни, а не стоять вѣчно на одной и той же точкѣ, какъ училъ Аввакумъ. Въ этомъ и заключается крайне печальное послѣдствіе, для послѣдующей старообрядческой общины, отрицательнаго, презрительно-враждебнаго отношенія Аввакума къ наукѣ, которую онъ самъ никогда не зналъ, не изучалъ и, какъ говорится, не видалъ и въ глаза, а потому имѣлъ о ней самое неправильное и извращенное представленіе, идущее буквально въ разрѣзъ со взглядами на науку такихъ великихъ святыхъ отцевъ церкви, какъ Василій Великій и Григорій Богословъ, которые нарочно отправлялись въ Аѳины, чтобы слушать тамъ языческихъ профессоровъ и изучать тамъ системы языческихъ философовъ. Эти великіе отцы церкви, ревностно изучавшіе внѣшнюю языческую мудрость, какъ очень полезную для христіанъ,

сдѣлались потомъ великими учителями всей вселенской церкви, разъяснили и утвердили своимъ высокимъ ученіемъ важнѣйшія и величайшія истины христіанскаго ученія, сдѣлались законоположниками истинно-христіанской жизни. Между тѣмъ протопопъ Аввакумъ, такъ позорившій науку, такъ цинично издѣвавшійся надъ ея древними и новыми представителями, такъ задорно кичившійся своими глубокими познаніями божественныхъ истинъ и тайнъ, при своемъ научномъ полномъ невѣжествѣ,—грубо-ребячески впадаетъ въ еретичество въ ученіи о Св. Троицѣ, воплощеніи и пр. Очевидно наука жестоко посмѣялась надъ своимъ ненавистникомъ и гонителемъ, и именно на самомъ Аввакумѣ ясно и для всѣхъ убѣдительно показала, что безъ науки и научнаго знанія даже самому протопопу Аввакуму не слѣдуетъ братья за роль учителя церкви.

Изъ всего сказаннаго нами о личности и обстоятельствахъ жизни протопопа Аввакума слѣдуетъ, что оцѣнка Аввакума, какъ историческаго общественнаго дѣятеля, можетъ быть очень неодинакова, такъ какъ будетъ зависѣть отъ того, съ какой стороны мы станемъ смотрѣть на него. Аввакумъ, съ одной стороны, выдающійся, стойкій борецъ за свое дѣло—вся его жизнь есть несомнѣнный, сплошной, тяжелый подвигъ, возбуждающій наше удивленіе и почтеніе. Но, съ другой стороны, у протопопа Аввакума нѣтъ никакого соответствія между внѣшнимъ его подвигомъ и между цѣнностію и значимостію руководящей этимъ подвигомъ идеи. Внѣшній его подвигъ великъ, продолжителенъ, постояненъ и крайне труденъ, да, къ тому же, и закончился онъ мученическою смертію на кострѣ; но внутреннее содержаніе этого подвига,—тѣ идеи и идеалы, во имя которыхъ подвигъ совершался, были удивительно мизерны, ничтожны, нецѣнны, даже фальшивы и вредны. Аввакумъ съ своимъ подвигомъ,—это колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Въ самомъ дѣлѣ: у Аввакума мы встрѣчаемъ рѣдкую постоянную готовность идти на страданія, всевозможныя лишенія и самую смерть; у него удивительно много силы воли, энергіи, характера. Но, при этомъ, подвигъ Аввакума какой-то внѣшній, какой-то матеріальный, почти чисто физическій, совершающійся по большей части только въ предѣлахъ неядвнія, побоевъ, физическихъ страданій, лишеній и истязаній, и опредѣлявшійся только крайнею узкостію и бѣдностію его внутренней духов-

ной жизни, его религіознаго пониманія и всего міросозерцанія. Подъ его подвигомъ не лежитъ той почвы, которая создается высшимъ кругомъ идей и пониманія, широкимъ и глубокимъ знаніемъ и развитіемъ, утонченнымъ нравственнымъ чувствомъ, высшей нравственной все покоряющей красотой. Его пониманіе самаго христіанства и православія низводится у него на упрямое, совершенно неосмысленное сохраненіе даннаго, ему извѣстнаго обряда, на механическое, чисто внѣшнее соблюденіе церковнаго устава, на дѣянія чисто внѣшняго благочестія, а не на выработку внутренней высшей истинно-христіанской настроенности, безъ которой невозможна сколько-нибудь плодотворная истинно-христіанская жизнь и дѣятельность. У протопопа Аввакума слишкомъ много узко-ограниченнаго самомнѣнія, самообожанія, преклоненія предъ своими подвигами и святостію, внушенными ему тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ безъ пропусковъ отбиваетъ ежедневно по тысячи земныхъ и поясныхъ поклоновъ, вышѣваетъ и вычитываетъ положенныя уставомъ службы, простаиваетъ ночи на молитвѣ, по нѣскольку дней совсѣмъ не принимаетъ пищи, и такимъ усиленнымъ постомъ и поклонами доводитъ себя до полнаго изнеможенія, до появленія разныхъ необычайныхъ видѣній, возникающихъ и развивающихся у него на почвѣ глубокой увѣренности, что въ такомъ состояніи онъ находится въ особой близости къ Богу и ко всѣмъ небожителямъ, которые, являясь ему, наставляютъ и просвѣщаютъ его. Но при такой его увѣренности въ своей святости и постоянной близости къ Богу, нравственныя воззрѣнія Аввакума однако грубы, эгоистичны, проникнуты крайнею нетерпимостію, злобой и ненавистничествомъ ко всѣмъ, кто не съ нимъ, кто не подчиняется ему во всемъ и безусловно, онъ не хочетъ признать у своихъ противниковъ даже и одной хорошей черты, всегда и во всемъ подкладываетъ подъ всѣ ихъ дѣйствія и поступки самые низкіе, дурные и позорные мотивы, онъ только внушаетъ къ нимъ въ своихъ послѣдователяхъ одну ненависть, презрѣніе и отвращеніе. Но это, очевидно, не христіанская нравственность, а нравственность узко сектантская, нравственность кружковщины, вносящая въ общество не миръ, а вражду, не творчество, а разрушеніе.

Н. Кантеревъ.